

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

Мамино
СЕРДЦЕ

12+

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

Мамино Сердце

«ЛитРес: Самиздат»

2020

ДЕНИСЕНКО К. М.

Мамино Сердце / К. М. ДЕНИСЕНКО — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Её сыну предстоит операция в другой стране. Их приезд сопровождают мистические предзнаменования. Податься инстинктивному страху и повернуть назад или остаться... Но что, если они не ошибаются и их здесь ждёт зловещий рок?

© ДЕНИСЕНКО К. М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

КИРИЛЛ ДЕНИСЕНКО

Мамино Сердце

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поистине сложная, кропотливая – с изрядной долей дерзновения, отбросившего стеснение, – история представлена Вам в границах книги, продиктованная личной, сверхличной даже и интимнейшим повествованием, дополненного снами, восприятием через конфабуляцию и, конечно же, – верой, что будет всё понято верно. Книга писалась в непростой период для каждого землянина, каждого бьющегося сердца в год 2020. История, которую я никогда прежде не планировал писать; но, то героическое противостояние и борьба, что открылась мне во снах, вновь позволила взглянуть совершенно другими глазами на мою мамочку. Красивую и хрупкого стана женщину, что ни дня своей жизни не прожила, чтобы не источать свет и любовь каждому – будь это близкие, будь это чужаки. Человек, не знающий о карме, не устремляющийся в философствование из чужих умов, живущий сочувствием и верой, тот самый человек, который видя издевательство над котенком, пока другие скажут, что не способны на такое смотреть и пройдут мимо, она выйдет и спасёт. Таково сердце моей мамы, её душа, её ум. Я не был во все периоды своей жизни хорошим сыном. Редко был таким. Помню только, что один раз во время болезни мамы был с ней рядом, а в следующие – был увлечен своими переживаниями, не замечая ничего и не приходя на помощь. В чём-то своей правдивостью эта книга исповедь, в чём-то автобиография, в чём-то анализ прошлого, которого до сих пор ранит и приводит в ужас. Но, прежде всего это история о матери и сыне, в непростой ситуации, перед лицом такого тривиального, но не менее леденящего сердце принятия о конечности бытия. Смерти, которая была рядом из-за врожденных пороков, болезненности, и как человек преодолевал, искал пути, самообразовывался, но чаще растрчивал годы, которые уходили на то, чтобы научиться простейшим вещам и уходил в инфантилизм, не используя возможности жизни в полной мере, как мог. Возможно, книга и об исцеление, а также трансцендентном присутствии в нашей жизни, которое мы игнорируем; на ответы, которые нам даёт Вселенная и которые не принимаем, как бы их не просили, заранее всё решив и обрекая себя на несчастье. И как пройдя через беды, вновь смеяться и вовлекаться с энтузиазмом в жизнь.

«Мамино Сердце» порожденное из снов и прошлого, вливающееся в недописанные и давнишние труды, которые берут начало из детства и любви к мульти-вселенным (а, то и ужаса к ним), вплетается органично в концепцию – «Миров Кира Христова», моего альтер-эго. Было время, когда, вчитываясь в «Кирилл и Мефодий» от Слава Христова Караславова, примерял на себя сего болгарского писателя фамилию, никак не соотнося её с христианством, не видя очевидного. Отдавая интерес благозвучию её и уважению, человека, который в сухом житие, сделал фигур истории, фигур прошлого – живых людей. Я так и не смог, прочесть вторую часть книги, с того момента, как Кирилл был отравлен... Помню свои слёзы, а также каждый его монолог, каждую мысль, выраженную писателем, что откликается в моём сердце. Мне до сих пор требуются годы, чтобы порыву мысли и переживания, придать форму. Время умело вымывает из наших сердец события и чувства, но то, что описано в книге, которую Вы держите в руках, по-прежнему, застывшие и исчезнувшие события исполняет дыхания жизни, проникающего в день сегодняшний, а благодаря Вам – и день будущий. Завтра, которое от нас ускользнет, но не для наших историй и испытанных чувств.

Мои книги, происходят в одном Мире, но в разных местах и в разное время; порой первыми пишутся, те что возникли совсем недавно. Порой вырастая из клочка черновой строчки на одну страницу или рассказа. Порой я тороплю себя, требую продуктивности и графиков из-за чего месяцами не пишу, борясь с душевным разладом или живя чудом прогулок, в которых после бессонной ночи выхожу встречать рассвет или гуляя по лесу. Как человек, после проломленного черепа, бывший лежачим четыре месяца и учившийся заново ходить, несколько лет, с трудом расчесывающий голову из-за разбитого черепа, до сих пор нахожу великое счастье в самой обыкновенной пешей многочасовой прогулке. Не является ли уже чем-то значимым само наше движение с улыбкой и верой по этой Земле? Как приятно незнакомым людям желать: доброе утро, улыбаться и идти на встречу солнцу, что приходит с золото-молочным сиянием, нежно касаясь первыми лучами и не думающими обжигать наши глаза. Многие из доступного нам становится обыденным, что я, попадая в такой плен, напоминаю себе о чуде видеть, дышать, двигаться, а гулять со своей собакой, совершенно не послушной и со своим характером, когда вы учитесь понимать и идти на компромиссы, сходясь интересами в том, что обоим нравятся долгие прогулки. Очередное чудо. Знать, что тебя ждут дома. Любить. Всем нам выпало чудо жизни, в которой мы можем не понимать, какая концепция духовнее и правдивее, наша душа была до жизни здесь, а как будет после и как будет; но, что очевидно и что не оспоримо, так это оказать всякое гармоничное содействие в принятие своего априори существующего в нас – великодушия, красоты, мудрости и вечности, которые, с опытом и годами, будут не приобретаться, а обнажаться, являя всё больший мир.

Удачи!

ЧАСТЬ I: Путь в Голконду* . . .

ГЛАВА I

Посвящается моей маме – осветившей путь;
Посвящается тому юноше, что вернулся ли?
Посвящается и горькой, и сладкой правде.

I

Лучи полуденного солнца брали на бордаж любой объект так, что и тень не смела отбрасываться; её время было на заре и время тени вернётся на закате – тени крепчавшей, с издыханием света прощающихся лучиков солнца, и она была готова стать собой, расплзаясь в непроглядное, бесформенное, без всякого отражения, ничто.

В оранжево-желтом такси, даже в полдень не преобразившегося, а оставшегося верным многим слоям дешевой и тусклой краски, мчались в бронированный хостел трое гостей из страны с древними славянскими корнями Элос. Они, приземлившись несколько часов назад в местном аэропорту державы Дойчланд, толком не успели и перекусить, взяв шоколадок втридорога.

За молчаливым и хмурым водителем в потрепанном берете и косухе, с выцветшим, но модным шарфом, обвитым на заросшей шее, на заднем сиденье сидели гости страны.

С сверкавшими глазами, слева от двери сидела миниатюрная женщина, с коротким каштановым волосом уложенным наискось и назад, выделявшейся большой грудью на фигуре сглаженной худобой юности и в силу прибывавших годов пышностью Афинской девы, маленьким носиком к которому она прижимала голубой платок, свернутый во много раз, сжимаемый ука-

зательным и большим пальцем подрагивающих от волнения рук, белоснежным рядом зубов, открывавшимися взору когда она зевала и улыбалась в меру пухлыми губами с яркой бархатисто-алой помадой; юности – ей матери двух взрослых детей – придавала не кожа, совершенно чистая, гладкая, без намёка на поры, и не молодёжный джинсовый пиджак со стразами на плече, поверх белой кофточки с рисунком радуги и кролика с золотой серьгой в ушке, не большущие глаза подведённые лёгким макияжем, а, что-же? Точно! Необъяснимая и не измеряемая, но осязаемая чистота души, не замазанной ни в чём, источавшей со зрелостью, не иссякшую с годами любознательность, созерцательность, эмпатию; да, и сейчас, она вновь и вновь прикладывала платок к носику и глазам, чтобы скрыть её обеспокоенность предстоящей операцией, судьбоносной операцией, требующейся заключением врачей для её сына.

Она повернула голову. Справа от неё сидела статная, высокая, с острыми греческими чертами, с копной длинных прекрасных огненно-рыжих завивавшихся мелкими кольцами волос, спутница жизни её сына, организовавшая все сложности поездки в другую страну, персонально подававшую на оформление медицинской визы запрос и документацию; это была девушка сдержанная в эмоциях, с деловой отстранённостью, но, несомненно, любовью к её сыну.

– Кирюша, ты как себя чувствуешь? – женщина всматривалась в затылок сына, безучастно уткнувшегося широким лбом к мутному стеклу потрёпанного автомобиля, нервно постукивавшего подушечками исхудалых пальцев по выцветшей, но всё же достаточно багрово-красной, пористой обложке книги, с крылатыми латинскими фразами.

—
*Голконда – через путь испытаний, скорби, жертвенности, достижение прощения Бога и победы над внутренним зверем, выявившимся в искаженной природе; обретение баланса, мира и правление своими собственными чувствами и действиями, без риска низринуться или отступить теперь когда-либо.

К ним повернулся юноша, с длинным, частично выгоревшим от солнца волосом, отросшим аж до локтей, устало улыбнувшийся, воспаленными глазами оттенка древесины, и сжав пальцы в кулак сильной руки, напоминавшей отцовские руки, которым, правда, уступал размерами, потёр костяшками опухшее лицо, не познавшее ещё растительности, бегло заговорив:

– Dum Spiro, Spero*. – И, подняв брови над по щенячьим проникновенными глазами успокаивающе подметил: – Мамуль, родная, красиво здесь. Чувствую так же себя... Что Жаннуль, далеко нам?

– А я знаю Кир? Илейн Юрьевна, скажите, пожалуйста...

—
* Пока дышу – надеюсь.

Илейн Юрьевна не обратила внимание, как её внимание расфокусировалось, да и она и не хотела внимать вопросу; она с какой-то особенной болью, жалостью и заботой посмотрела на сына и брови не поднявшего на безосновательную укоризну в его сторону, только расплывшемся в улыбке демонстрируя ряд ровных, со здоровой, естественной желтизной зубов. Она не в первый раз замечала, как выхолненного, выпестованного, выращенного в заботе, любви, нескончаемой вере – вновь грубо обрывает спутница сына. Жанна имела ряд первоклассных качеств: и хороша собой, воспитана, вымуштрованная на деловые беседы, только вся её любез-

ность и муштра рассыпалась в общение со своим парнем; тем паче было заметно, что ей доставляло дискомфорт его невозмутимость, вместо ожидаемого смирения и чувство сыпающегося юмора, порой с которым он перебарщивал; конечно, это их отношения, тем не менее, что-то такое ядовитое, исполняло эту девушку, именно яд, а не желчь, которую как раз и можно стерпеть. Яд и какое-то пренебрежение, непостоянное, правда, каким мыслимым ветром приносимое, но флюгер в рыжей копне волос, так и кренило в те, стороны, которые Илейн не хотелось наблюдать. Она позволила себе промолчать, посмотрела на неровно выбритый затылок водителя и отвернулась к окну, отгоняя наваждение своего мысленного осуждения.

Главное, чтобы ему было с ней хорошо. А я пойму... Я мама.

Солнце резануло глаза, так что Илейн, поспешила, и смогла не с первой попытки из-за тесноты на заднем сиденье, стянуть увесистую сумку с плеча и отыскивая за молниями и кармашками нужные так сейчас солнцезащитные очки, с оправками походившими на полукрылья лебедей.

Она, начав читать про себя «Богородичное правило» так и заснула, не заметив, что рука перестала подрагивать, как сын, не поворачиваясь, протянул свою, и немедленно найдя, сжал; рукой крепкой, но выдавшей его – клубок мыслей перед предстоящей операцией в клинике, а особенно – страх; такой отчетливо холодный, отступивший только в горячей ладони матери.

II

Пшеничное поле, прорвавшееся изначально из земли молодой серебрившейся травой, источавшее солнечно-золотую жизнь, лаская безмолвными просторами, среди которых возник совершенно обнаженный юноша в больничном рвущемся ватном халате, с развязанными позади лапами. Пшеница возрастала, пряча его, хватавшегося и падавшего, бегущего, отмахивающегося руками, инстинктивно, поднимаясь на возвышенность. Он забежал на холм, стоя и оглядываясь среди янтарной пшеницы; схватившись руками за грудь – из которой черными точками, выстреливая, как бластерами, бились друг от друга ртутно-угольные частицы, расплывавшиеся на груди. Его грудь взмыла вверх, откинув ноги и голову с руками, неумолимым магнитом насильно тянувшихся к земле; с солнца, краем глаза, задыхаясь от боли, почти не видя от слёз скользящих ко лбу и срывающихся в пшеничное поле, он увидел Десницу, невообразимую, непостижимую, проникшую в очаг черноты расплывающейся из его сердца, вырвавшую черноту, как провода, сжигая в своём Кулаке, и сгинувшая в огне чернота источала предсмертную вонь, схожую с паленой проводкой; чернота эта – горевшая, капавшая огнем, падая вблизи лица, попала обжигая и в глаз стекая с виска; Десница вновь проникнув в грудь, аккуратно пальцами сжало сердце, забившееся, позволившее ворваться обжигающему воздуху, неся воду жизни по телу; и юноша упал, с обновленным заводом, как механизм засиявший трудом реставратора. Юноша, тщасть оттереть с лица ожоги оставленные противоестественной зловонной чернотой втягивавшей и свет и время, озирался, поднимаясь; выпрямившись он увидел: громадный локомотив, парящий с неба с двумя размашистыми буквами и цифрой – «ЗИ-2» – деформировавшихся от времени, и: осколки треснувшей луны, выплеснувшей брызги своих вод во тьму космоса вновь застывавшие в глыбы льда, падавшие, сгорая, не поспевая за осколками объятыми огнём, опережая неведомый корабль с особым экипажем и... до слуха донёсся визг колодок.

Кир, инстинктивно ещё не придя в себя выставил правую руку в переднее кресло, левой, вспомнив, что они в такси, уперев в левую дверцу, создав щит для девушки и мамы. Их качнуло вперед и отбросило назад. В локте не приятно щелкнуло.

В салоне завоняло паленной проводкой. Таксист выругался. Из-под капота машины шел едкий дымок прямо в салон; даже, как он извлёк в начале старую аудиокассету с устаревшей пленкой и принюхался, Кир, заметил:

– Хм... Бредовенький бредик! Да уж! Девочки, наш водитель, не искушенный господин в электронных схемах тачки раз, решил, что причиной запашку послужила кассетулька! Норм мы проехали... – он, крутя ручку, опустил окно выглядывая. – Наобум приехали...

– Was zum Teufel! Was für eine Scheiße! – стрекотал водитель, затем, повернувшись на своих клиентов, пощелкал пальцем по счетчику на котором красовалось 99,5 евро. – Es stellt sich heraus, einhundert Euro von Ihnen. Sie sind nicht weit von der richtigen Adresse entfernt. Kommen Sie bitte raus! Ich muss einen Abschleppwagen rufen.

Мужчина нетерпеливо вновь постучал сухим крючковатым пальцем по табло зеленоватого экранчика с суммой, поднявшейся уже до обозначения в 99,6 евро.

Илейн осматриваясь испугано спросила:

– Дети, я не пойму, он нас привёз или нет?

– Тут не так как на картинке. Он сломался мамуль. Требует от нас... Ей! Turn off the screen. Stop! Understand? Turn off your... screen...

Водитель показал на ухо и исторг тираду, походя на рой цикад из которого только было ясно одно:

– Einhundert Euro!

Илейн, несколько суток проведя считай без сна и не прикорнув, а провалившись в крепкий сон пока они ехали, в котором видела обрывки воспоминаний из её детства, хотела, чтобы они так плавно и ехали на потрёпанном автомобиле никогда не приехав в назначенный пункт, застыв в безмятежном перекрестке времени; и двигаться, плыть, лететь, над разгорячённым асфальтом, под присмотром неба и облаков, дремать, проходя сквозь не понятное и тревожное настоящее. Она с усилием, отбросила мрачные мысли с дрёмой, приняв, что операция нужна, операция пройдёт блестяще, вернув её сыну полноценную жизнь без лекарств. *Да, так нужно.* Она потянулась за красным кошельком-клатчем, и вытащила ровненькую купюру и без промедления протянула водителю, после чего поспешила выйти наружу. Снаружи к разочарованию не было и намёка на охлаждающий ветерок; она оглянулась по сторонам и пошла доставать их переполненные чемоданы, отстукивая тупфлями на малом каблуке по мощным камнем аккуратных улочках, ей-богу, чуть ли не декоративных. Можно было подумать они в игрушечном мирке. Кир, незамедлительно выпрыгнул справа, помочь. Одна Жанна, не спеша, ища в телефоне, перевод слов, повторила иностранный текст, давшийся ей не с первой попытки:

– Das ist ein Raub... von Ihnen. Taxi kostet... nicht so viel!

Мужчина, улыбнувшись ласково проговорил:

– Geh schon...

Она фыркнула и направилась вон из машины.

– А я говорила вам – поехали на автобусе! – высказывалась Жанна, скрестив тонкие руки на грудной клетке.

– Жанна ты умная девушка, какой автобус? Кир на ногах еле стоит, забыла, как месяц назад мы его в посольство из метро вели за руки и плечи держа, что он стоять не мог? Не прощу себе, что с твоей экономией не взяла в Эллосе такси тогда... Не стоят деньги такой бережливости. И, сейчас, сесть могли б в хорошее такси, нет же, с твоим телефоном пошла искать кто дешевле. – Из уст кого угодно, но только Илейн, слова звучали без укоризны, и как-то даже ласково. – Дешевле доехали?

– Всё-таки нужно было на автобусе ехать, за одно язык б учили, культуру узнавали... – Не сдавалась Жанна.

– Езжай, моя хорошая на автобусе, когда душе будет угодно, – улынулся Кир, и обнял её, поцеловав в щёку, мечтательно добавив: – Лови момент! Aut inveniam viam aut faciam*!

– Лучше чемодан достань, – сухо ответила она.

—
*Прокладывай дорогу сам!

– Я сама в состоянии достать, – перебила Илейн, дивясь, как сын почти с нулевым давлением в ногах и перенесенной год назад травмой черепа держится. Да, ещё и книгу толстенную из рук не выпускает. А с каким трудом отказывался, чтоб не взять с собой весь набор оптики от его новеньких фотоаппаратов. – На колёсиках будет. По земле и покатит. Хотя тут такие камни... Только на бречках и ездить. Смотрите, красивый храм какой!

– Где мам?

– А вот – и люди там, много их... Подожди, не храм же... Костел, что ли... Спросим, куда нам по адресу. Далеко ли...

III

– Господи хорошо-то, как!

Илейн бухнулась на диван стянув сапожки. Из – в вечных проседях холода – Эллоса, прибыв в исторический Дойчланд, принявший солнцем и бездушьем улочек, будто законсервированных, она с самого такси изнемогала от перегревшихся ног. Так и хотелось стянуть черные колготки.

Сколько ж петляли... А, попетлять пришлось. Не сразу, но они дошли благодаря самой что ни наесть простой женщине с котомкой, махровых перчатках обыкновенно используемых для работы в садах, да огородах и, которая, словно не согревавшаяся местным солнцем,

щеголяла в выцветшем зипуне, со следами кое-где пятен от отбеливателя и пуховом платке под капюшоном на заклёпках, не понимавшей ни слова в начале, но затем видя озадаченность лиц гостей её страны, объяснением на пальцах куда идти, пошедшей в противоположную сторону от её запланированного маршрута и отведшую к гостинице.

Илейн с сердцем сказала ей тогда, как сын подтвердил, что это то самое место: «*Sehr vielen Dank!*» помня со школьной программы из детства, что так здесь и благодарят. Она ещё подумала:

Надо же слова разные какие... А, поступки хорошие на всём земном шаре одинаковы... Нечего изобретать.

– Сынуль, налей водички мне пожалуйста, если не сложно...

– Конечно, сейчас...

Жанна прошла с двумя чемоданами на колёсиках вперёд. Они зарезервировали единственную комнату, которой на такой срок располагала гостиница: двухкомнатное пространство, разделенное в одной на две кровати и кухню, а другой на три двухспальные койки. Было очень просторно и не отдавало и намёком на роскошь. Самая обыкновенная мебель с острыми углами. Чем их привлекло именно это место – пешая доступность в двадцать минут на своих двоих до клиники. Если верить неустанным алгоритмам их гаджетов. О чём они сразу не знали, выяснив позже, гостиница только казалась гостиницей, будучи – студенческой общагой для интернациональных студентов.

Илейн маленькими глотками отпивала из высокого, формы ромба стакана, заметив увеличившиеся через стекло линии на подушечках пальцев. Сын, заметив, у стаканов свойства лупы, взял свободный и отдалив от лица улыбнулся в донышко – губы казались теперь на пол лица – заговорил с расстановкой и ударениями:

– И дорогие наши участники... Те, немногие из них, кто урчанием живота сравнялся с поющими китами, отважится ли кто пойти за продуктами?

Она улыбнулась. Живот и правда урчал.

IV

Отправившись вдвоём, без высказавшей желания на то, *Алой Бестиш* в их «группе», становящейся ярким представителем *Нонконформизма*, во всём остальном являясь обтёсанным до предела конформистом или конформистской, а то, прости Господи, конформитесей. Тут Илейн и сама с новыми веяниями, вечно оскорбленными, полыхающими недовольством оторванной от реальной жизни молодёжи, сама не знала, как вернее обозначить тех, кто желал влиться в какую-нибудь группу, влить индивидуальность интересов и привычек – в большинство, притягательное на правоту и победы своих убеждений, были они естественными, навязанными, обрывочными или целостными, главное быть там, где по-громче и у кого стиль полемики призван не за свободное и доброе, уважительное, а визгливо-глушащее всякую возможность на раздумье и цивилизованность. Мир рождённых ангелочками, которые с пеной у рта, требуют вытоптаный хлам с земли, заполняя внутренности паразитами, что уже перехватили бразды за правлением их поведения, превращая в примитивные оболочки, обманчиво выглядевшие ещё, как люди.

Пока они искали открытые магазины, обнаруживая на всех с гравировкой – 24 HOURS – замкнутые двери, справляясь у редких прохожих о причинах, послуживших такому, видели удивленные лица и слышали, что: *Дескать, праздник-то, христианский, холлидейс, в общем.*

– Да, Кирюша, надо же какая у людей стабильность, что они не работают...

– Давай искать, какой-нибудь квартал с магазинчиками иммигрантов... Они должны работать.

Илейн крепче сжимала руку сына, замечая, что даже не скрываясь в подворотнях, не дождавшись покрова ночи или сумерек, сколько молодых людей – курили, будь это девушки или парни, закидывались таблетками или делали себе инъекции; с другой стороны радовало, как они зашли в парковую зону, видеть большинство пожилых людей и как бы не было при-скорбно замечать людей мучащихся болезнью, которая приковывала к инвалидным креслам, вселяла надежду: веселость на их лицах и, то, как они подъезжали на своих сверх функци-ональных устройствах к огороженному пруду, чтобы покормить здешних уток и селезней, гоняли на скоростях по велосипедным дорожкам. Невольный укол жалости к своей Родине, воскрешал образы редко выкатываемых на допотопных инвалидных креслах – приобретаемых за свой счёт – стариков и юношей с обездвиженных параличом.

Ещё в самом начале из пыльного окна такси она видела, как пожилые люди на сих «крес-лах»: ели с аппетитом зажаренных тигровых креветок, запивая пивом, смеялись, в тени аляпо-ватых зонтиков перед кафешками, не отягчённые заботой о завтрашнем дне... А что было у её обокраденной Родины? Отсутствующий водопровод, насыпь из перемолотой гальки, и выбо-ины на кое-как асфальтированных дорогах, множущихся заплатками из которых вычерпывали воду сотрудники компаний миллиардеров даже не чашками, а совками...

Старики-инвалиды, которых родня, воспитанная телевидением, родня из людей, с душой разбавленной алкогольной и табачной продукцией своих же престарелых родителей, пичкала снотворными, кутая в изредка сменяемые памперсы для взрослых. Она была наслышана о таком... И тем не менее чаще всё же члены родни: всех, сидящих на инвалидных креслах, пару-тройку раз в неделю, сгоняя через боль, зарабатывая грыжи, героически спускали в домах без лифтов и уродливыми и высокими ступенями подъезда, стоять в одном месте и глотать пыль от гоняющих внутри дворов автомобилей, уставившись на развешивающих белье, рядом с дет-скими площадками, расположенных не на амортизирующем покрытие, а всё той же земле, став-шей объединением грязи, которая принимала втаптываемые окурки и плевки, грязью, напи-тавшейся мочой неизменных ночных горлопанов, ставших – как и эта грязь в которой уже не один корень не обрел бы жизнь – без мечты и будущего.

Она сжала руку сына крепче. Ей стало страшно. Она чувствовала ответ, но теряла его, как сон.

Её страна с сильными, неуправляемыми людьми, с ярко выраженным чувством воли, хоть большинством и существовавших видя только ржавые гаражи, серые постройки, унылость, которых б ушла с орнаментом; большинством загнанным в дома, выйди из которых и, погру-зишься – стараниями действительности – в мир сильных и слабых, разивших стоя и получав-ших лёжа, оживших с карикатур варварских времён прошлого; большинством: богатство и роскошь видевших только во владельцах взявших в оборот распятого пять тысяч лет назад,

золотящие купола возводя, да раздалбливая колымаги из рук в руки переходящие, выбивая из под колес насыпь из выбоин дорог, что были не долговечней современных обещаний и дружбы, не терпевшей заплаток; дружбе рвавшейся от предательства, равнозначно плеве – единожды и бесповоротно.

Не такие ж разве здесь среди ровных дорог и красивых домов, бродили порванными и оторванными от своего я, молодые люди, стараниями шакалов – продававших и скупавших, ширявшихся до заката, валявшихся за кустами. Стоящих, в беспросветном поиске счастья?..

Её удивляло, почему никто не замечал... Чувствуя руку сына и его настороженный взгляд, напряжение, пульсирующую жилку вены на виске, она поняла, – и, он, замечал, как и она. Илейн подумала, что лучше было бы если смерть всех их – этих наркоманов, моральных уродов – побрала, а потом, к ней в душу, нет, из самой души, прояснилось решение, что каждый из них человек, каждый рожден был от любви матери и отца, и каждый из них живой человек, личность, хоть потрепанная, погрязшая... но личность. И, бесчеловечно, думать, о смерти таких людей, ужасно полагать, что пути к исправлению отрезаны от них и ни на что больше они не годны. Такое отношение даже к наркоманам неправильно. Но, и правда была на том, что и каждый кто подсел на наркотик – будь это что угодно: вещества или род какой другой разрушительной деятельности – человек подсев, подсаживает всё своё окружение. Расползается, как опухоль ища и за пределом друзей и родных. Люди подсевшие – превращают жизнь любящих их людей в каторгу; и вытягивают жизненную силу... и, всякое смирение перед этим недугом и прощение, надежда на просвет, они – зависимые – веру и душу, как клещи кровь из бродячего оставленного животного будут тянуть, облепляя и облепляя, заражая и превращая каждый день в беспросветное горе, пока не умертвят, а сами не покроются коростой.

И остаётся только молитва и борьба. Действовать, и верить, что и их всех обязательно посетит Христос...

Не мщение от нас требуется. Думала Илейн. Нет в нём необходимости... Не уничтожение не угодных, бессмысленных и влачащих существование сродное злокачественным опухолям... Людям, со всем осмыслением, необходимо желать только исцеления, чтоб они обрели смысл, вернулись в первоначальное лоно чистоты, здоровой и ничем не оскверненной любознательности. Среда воспитывает поколения... Как в далекие времена отбирали из христианских семей мальчиков и за десяток лет издевательской муштры выращивали совершенный продукт покорности, яростно отстаивающего своих хозяев и нового бога... Сколько тому примеров... В давнишние времена такие поползновение на мир, потребовали организации крестового похода... Но, он, как и всякая человеческая борьба – будь она и со светлыми и духовными мотивами, всегда несёт кровь и страдание, разгул несправедливости. Нужна молитва и общая вера любящих сердец, направленная на то, чтоб каждый человек обрёл чистоту, стал образцом... Новым образом своей жизни. Живым примером культуры, отражающейся и на теле и духе; и каждый стал свидетелем, как изменяется жизнь, исполненная старания и упражнения, физического труда, готовности на безвозмездную взаимопомощь, с верой, не отравленной – фанатизмом... Не зря же когда даже ангел начинает доказывать жестокосердно веру, то становится непременно – демоном. С фанатизмом душа облачается в невидимые кандалы. Только чистая добросердечная готовность молиться и трудиться, развиваться, вырывает тебя из приземлённости, и ты различаешь что в каждом росток света, в каждом потенциал, который ничто не загубит; только от твоих дел зависит степень пробуждения и...

Они вышли к пруду. Она осторожно взялась руками за заборчик и заглянула вниз, видя, как в чернеющей воде плещутся уточки.

...Даже десятки лет если человек жил, что спал, потом один миг, полное отречение прошлого и борьба с самим собой, этим сопротивляющимся разумом, инстинктами и, прорезавшийся клич чистой воли, что была забитой пленницей; вызволи её и себя пробуждённого от оков невидимых тюрем, привычек, служения возникающим «хотелкам»... и не понадобится десяток лет покаяния; если отведенные годы станут служить на осуществление добрых дел, главное из которых спасение в себе того дитя, что ты утратил и вымуштровал притворяться и мимикрировать под мир, который стал пузырьём в котором никогда не появится возможность – стать хорошим и правильным, вовлечённым в чужую игру, ставших структурой, сросшейся с масками и выжженными языками....

Илейн с грустью смотрела на сереньких уточек и переливавшихся бриллиантовыми шейками селезней, избравших яркий окрас для привлечения на себя внимания хищников во имя защиты жён и детей, и она, размышляя, о том: *почему они, обладая крыльями, мирятся с искусственным прудиком, с затхлой водой, почему не улетят на волю и чистоту, подальше от соглядатаев...* Взяла сына за руку, и они пошли не спешно дальше. Ещё было светло, но фонари уже включились. Стало появляться всё больше упражнявшихся в беге людей преклонного возраста; пенсионеров со специальными палочками, вышагивающих держась хорошего темпа. Вдохнула в лёгкие разгоряченный воздух. Ей не хватало его. Не было свежести. Всё будто застыло в искусственности, будто со штекерами в голове, она видела совершенно что-то фальшивое. И нет, какие штекеры... Всё было по-настоящему. Она улыбнулась, повернувшись к сыну и взявшись за его локоть, не догадываясь о боли в суставе.

Я-то, выросла в очень бедной семье, с родителями, которые не могли развестись... Мамочке некуда было бежать... Только в те редкие ночи у родных, стены домов у которых сразу начинали сужаться – и это говорили глаза – из-за тесноты душевной и... Мама, ты терпела мамочка... Отца... Пьяные выходки, бегания с ножом... С четырех лет какие картины... Для чего это всё нужно было... Это абсолютно не нормально... Как сейчас помню: девочкой малюсенькой стою в пижамке, пошитой из наволочки, перекроенной подушки и, держу отца за ногу! Умоляю не убивать мамочку... Господи! Как жив образ и мой голос: папа, папочка, не убивай мамочку!

Илейн ощутила, что плачет... Ноги, как ватные. *Какой абсурд, какой ужас... Такого не должно было происходить...* Прошла пару шагов и села на скамейку, ровную, красивую, чистую; слёзы не позволяли разглядеть хорошо, но черты сына были выжжены в сердце; и, она всегда его увидит, найдёт, услышит. Кир опустил перед ней на корточки, взяв за ладошки, смотрел-смотрел ей в глаза, прочувствовал её боль, свои опасения за себя и сам немолчно всхлипнул. Она начала вытирать его слёзы со щёк. Он сполз с корточек на колени и положил голову ей на ноги, прижавшись щекой.

– Мамуль спой мне пожалуйста... Твою песню...

Она, вытерев свои слёзы, нежно убрала ему прядь волос за ушко и начав поглаживать по голове, запела колыбельную, которую ей пела ещё бабушка:

Спи, младенец мой прекрасный,

Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.
Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...

Сколько горьких слез украдкой

Я в ту ночь пролью!..

Спи, мой ангел, тихо, сладко,

Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,

Безутешно ждать;

Стану целый день молиться,

По ночам гадать;

Стану думать, что скучаешь

Ты в чужом краю...

Спи ж, пока забот не знаешь,

Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу

Образок святой:

Ты его, моляся Богу,

Ставь перед собой;

Да, готовясь в бой опасный,

Помни мать свою...

Спи, младенец мой прекрасный,

Баюшки-баю.

У

Илейн пела, протягивая голосом, что не звучал, как в юности, но несомненно от него по-прежнему воцарялся на душе покой; она представляла сына здоровым, живым, удачливым и, вспоминала, как стихи потерянного ныне автора всё же не изглаживались из памяти, передавались и продолжали жить в человеческих сердцах; она, не сомневалась и сыну небеса подарят своих детей и он взяв их встревоженных ночью, вспомнит слова и мотив её колыбели, сотрясёт страх, беспокойство – и сам ощутит мир в себе и увидит здоровый сон его дитя – предвестник сладостного пробуждения. Она вспоминала, что колыбельная принадлежала автору изглаженного из современной культуры за слова нёсшие духовность, упоминание образов икон, за

спасительное руководство к действию, приводившее к молитве, по-настоящему окрылявшей и излечивавшей душу... *Звали его, как и моего Мишу, да, тёзки, а фамилия... Точно, Лермонтов!* Илейн стало приятно, что из закоулков памяти извлекла имя талантливого человека, его сочиненные и вдохновленные великим опытом и благообразием души строки, переданные ей из уст самой бабушки. Её добрая бабушка Евдокия прошедшая войну, прошедшая тифозные госпитали тех времён... Бабушка, давшая понять, что тот, кто боится и сомневается – вряд ли выживет; бабушка ненавязчивым примером шедшая уверенно с Богом в сердце, молитвой в устах, помогала, делала всё возможное, там где была и там где бы ни находилась; и ни одна зараза – да! – её не взяла. Так и хотела, Илейн, чтоб сын ничего не боялся, верил в себя и какое не было давление моды, законодательного одобрения новых субкультур с деструктивной идеологией, вера верующему явит доказательства и многие чудеса, не желай он этого; даст понимание и извлечёт и из пустынных земель.

– Мамуль спой ещё, – он поднялся с колен, сел рядом и положил голову на её плечо.

И, она, поцеловав его в лоб запела вновь, полушёпотом, неволью, всё сильнее чувствуя рвавшиеся на волю и давно, кажись, позабытые воспоминания, ощущая поток разгоряченного ветра, не способного сдуть усталость и... Илейн, внезапно осознала, что нося отчество данное от имени её отца, никогда не окрашивала его в негативные черты, как одна её знакомая, судьба, которой развела с родителем, не позволяла и обращаться к ней по отчеству. А другие так и вовсе считали, что обязаны поквитаться с каждым мужчиной, априори виноватыми благодаря гендеру, выпиравшему в когорту сопричастных грехам отцов, лица которых те, стремились выморить. Илейн же, выросшая с отцом алкоголиком, никогда не воспринимала других мужчин повсеместными идиотами, а алкоголиков ничтожествами... Она знала, что полюбила мама его и за ум, и за внешность, присущую людям дисциплинированным и их времени – спортивную конституцию. Отец был и мастер спорта по волейболу, участвовал профессионально в турнирах по шахматам, сражаясь порой и с дюжиной соперников – и парадоксально – ни разу не проигрывал. И только с приходом в его жизнь страсти, вытеснившей всё человеческое, вытеснившей и душу, и сердце, разум... Страсть эта началась с сигарет, да, вошедших в жизнь, победоносных попок. За ними протиснулись другие: разгульный образ жизни, не требовавший дисциплины и борьбы; пошли измены, одна за одной. Казалось бы это всё случайно, но личность её отца претерпевала изменения и уже страсти привязавшиеся к нему, ставшего независимого такому образу жизни, вытеснили любознательность, прежние импульсы к развитию, а потом и принесли воцарившееся отрицание сверхъестественного и высшего, трансцендентного в жизнях; того, что нечто способно простирается за грани гедонистических угождений плоти, которые воспитали плацдарм чувств, которые не поддаваясь логике обрушивались не объяснимым гневом на любое свидетельство христианской веры, которая приносила утешение её белокурой мамочке, распознавшей яркие примеры приносимые верой; сейчас религия стала либо в отрицание авторитетов или атрибутике – ломкой, устаревающей, но сметаемой огромным спросом; а вот вера, которую не пощупать, была как дуновение ветра: невидима, но осязаемо нёсшей понимание что она несла выздоровление, а как иначе, когда свобода от страстей, это свобода от гнёта и увядания, свобода от греха – хозяйничанье над подлинным я, не отвлекаемым необъяснимым спонтанным прихотям и эмоциям; иначе человек будет вращаться в оковах, свободный принять любые руки, которые б притягивали его к ноге, обрекая служить, но не различай сросшийся с кожей ошейник; и вот отец, так не заметно и обезоружил себя, стал одержим зависимостями и прежде всего алкоголь стал его солнцем, его божком. И, как редко, мы способны признать, что становиться нашим божеством... *И, papa, сгубил ты не только своё настоящее, но детство своей дочери сгубил; отнял собственноручно всякую возможность счастливой семейной жизни с любившей тебя моей мамочки... Утоп...*

Безразличие испытывала ли она, не смогла б ответить ни сейчас, ни тогда, когда отец развелся с матерью и ушел к любовнице, охочей, как и он до непрерывного пьянства; скорее облегчение почувствовала, но и горечь, непонимание, обиду – не за себя, за мамочку – *Ну, как, как прости Господи, можно было женищину, с белоснежной, как выпавший только снег кожей, с золотыми локонами и мифологической красотой, очами зелеными, как молодая листва и с крапинками золота, словно дарованных от самого солнца в восхищение простёршего лучише из лучей, женищину воспитанную и любящую, променять на одутловатое, не связано бормочущее спившееся чучело?* Для которой, выгнал их, спустя пару месяцев своего ухода, и как только зарегистрировался, был незамедлительно сброшен с моста в реку, ту самую реку, которую, ещё не ставший на путь саморазрушения восхваляемого нынче, переплывал много раз в годы своего студенчества, реку, в которой пошёл – скрюченным и похмельным – камнем вниз... *Предавший нас свою семью и не давший прорваться собственным талантам, вверенным Богом, блеснувших не познав развития зачатками – ушёл в дремоте бессознательного существования преданным в вечную гиенскую дрёму...* Но, теперь от боли, с каждым годом, откалывавшейся, сочившейся утрачивая влияние на неё, она, как дочь, как взрослый человек понимала, что: *невозможно, чтобы человека ждали бесконечные муки; что и за века душа, вечная душа пробуждалась, осознавала и раскаивалась, проходя огонь, отрезвлялась той явью сверхъестественного бегства и сколь была оторвана и жизни, своего творца, сталкивалась с олицетворением собственного многочисленного грехопадения, явленного гротескными чертями, – и, Илейн понимала – предназначение и оголённую истину;* да и-то, как нагрет время для каждого, как бы он и она не пали, тот момент, когда из небытия вновь возвратятся к жизни и чрез оправдательный завет спасению, выжив и в печи, приняв живительную росу вымоленной милости... *И душа не обуглившись, должна же пристать, подобно как брусок металла, переплавившись, и вернувшись в свою начальную форму и... станет с сонмом детей, которых Христос обогреет большей любовью, большим вниманием и даст испить из источника всепрощенья и нескончаемой жизни, не допустив вновь прожить человеческий опыт на Земле, подвязав на духовный рост...* *И простила ли она его, хотя по-человечески, непростительно любое разрушение детства, а он разрушил...* Но, нести бремя обиды она не станет... *А эти эгрегоры о непутевых мужчинах которым только и нужен поводок вложенный в руки умных и сильных женищин царивший то в той, то этой кино-мульти картинах, не встречал её одобрения. Мир вообще не делился ни на что, как она поняла, а такие образы создавали всё больше раздувавшуюся брешь в восприятие реального мира. И росло поколение которым никогда не стать героями в цветастых трико, никогда не пулять лазерами из глаз или управлять мыслями других без последствий, никогда не регенерировать и никогда не обладать никакой супергеройской способностью из дрянного перечня...* *Им не важно, что они способны быть героями и героинями, им важно, как это делают вымышленные герои. Поколение возвращенное и воспитанное равняться на тех, кто способен существовать только в кинокартинах и цветастых журналах с историями, замешанных на гностицизме и древних мифах. В её детство были героями: военные, врачи, учителя, простые пахари, выращивающие хлеб – те, кто и делал возможной цивилизованное и здоровое общество, те кем восхищаясь ты мог стать. А теперь только обманутое общество с вымышленными идеалами вымышленных – в наркоманских на хлёстах – героев. Илейн росла во времена, когда люди любили друг друга, ждали, ждали, писали... Не пробовали других, как бродячие псы блевотину и всякий оброненный хлам, чтоб понять дорог человек от которого ушли или нет... Раньше если и уходили, то без оглядки... Не цепляясь за кого-то другого. Мерили не кошельком, а глубиной мыслей в глазах, способных потопить и вознести; люди мечтали, согревали улыбками, теплом рук... Сплести пальцы рук с любимым человеком было интимнее и подлинней чем все переписки, лайки и совокпления сегодняшнего дня. Люди любили... Люди могут ещё любить – она искренне верила, – могут*

любить, выкинув мусор из собственных голов и взглянув без предубеждений и гордыни, прекратив видеть повод для оскорбления и мзды, а только людей...

Она взглянула на безмятежно прогарцевавшую группу конной полиции в красивой форме и почему-то в масках, скрывававших лица, оставив только зоркие глаза и кустистые брови не только мужчин, но и крепкой девушки полицейского, вторившей новой моде, сменившей чересчур выщипанные до ниточек брови на конкретные, схожие с «шерстяными гусеницами». Маски, придавали им очарование родня с мифологическими образами ниндзя так красноречиво воспетых во всевозможном искусстве, особенно кинематографе, приблизившим культуру востока, не затейливо, будто на протянутой ладони в каждый дом. Впрочем, Илейн, удивлялась не рациям, не вооружению, а непонятно к чему понадобившимся к убранству формы холщовых масок.

– Бредовенький ж бредик-то! Почему они не в шлемах, коль хотят так котелки защитить, а тряпицах на лицах? – разделил невысказанное опасение Кир.

– Давай поищем продуктовые магазины родной... Начинает свежить... – она зябко передернула плечами и поднялась с сыном, провожая взглядом, удалявшиеся силуэты, невольно смотря на блестящие хвосты кобылиц и меринов с выпиравшими боками. – Не часто у них тут погони случаются...

– А кому что нарушать? – Развёл руки Кир подтверждая риторичность вопроса. – Думаю, мам, тут люди давно походят на отлаженный и единый механизм. Щёлкнет, что, приказ или зараза и, конец, будут, как налипшие бляшки, перекрывая ход кровотоку, мчать, заданным курсом. И ацетилка не рассосёт.

– Господи, скажешь тоже. Пойдём!

VI

Не оставлявшие и намёка на тень трубчатые лампы свисали с потолка небрежно прятавшегося бетон, проводку, гудевшие вентиляторы за ромбовидным отливавшим серым пластика, вылитого по типу пчелиных сот на алюминиевых креплениях обывавшего и множество прямоугольных колон, придавая им форму полукружий; на колонах в прорехах сот, запаянных по трое, пряталось с пятью разноразмерных камер. Стеллажи – отпечатанные небрежно на 3D-принтерах – выпячивали с гордостью изобилие товаров. Пройдя к холодильным камерам, они смотрели на филигранно нарезанные куски мяса. К удивлению, заметив, что ни ребрышек, ни лопаток, ни мослов – не было, ни одного кусочка, даже ни на косточке. Только мякоть всевозможных размеров. Так же в каждой холодильной камере по верхним алюминиевым струбцинам ездили с завидной скоростью – разветвлявшиеся щупы, походившие на гибрид человеческой руки и щупальцев осьминога, поддевавших и опоясывавших пронумерованные куски мяса и по струбцинам мчавшие к стороне с цифровым табло для оплаты выбранных кусков, вываливались ровными брекетиками, завернутыми целиком в пергамент и перевязанными бечевкой; чаще клиенты, которых они наблюдали, выбирали завернуть, предварительно нарезав на тончащие ломти.

– Технологии... – присвистнул Кир с восторгом. – Чтоб я так жил!

– Да... – Илейн, была поражена. Ни одного человека в обслуживании. Только автоматизированные щупы. Плечи передернулись. В магазине из живых душ – покупатели. Она любила рынки, обоюдные приветствия, диалог, устанавливающийся с постоянным покупателем и продавцом, советы, и в конце концов – спор; возможность торговаться. Все те мелочи – неотъемле-

мые анахронизмы – сохранявшиеся на рыночках. А тут не задать вопроса, не продавить кусочек мяса. Она подошла ближе. Все кусочки были не естественно красивы. До неправильности идеальны. Блестели. И не намек на за ветренность, потемнение. Розовые. Ни прослойки жира или плёнки. Не крошки от раздробленной кости, обязательно появлявшейся при разрубании туши. Что-то с этим всем было неправильно. Свет освещал мясо, представляя как модели под прицелом папарацци, прошедших графическую обработку. – Что-то мясо какое-то странное...

– Да оно идеальное! – выдохнул замороженный автоматизированными щупами Кир.

– Вот именно. Будто отрезали от одного гигантского куска. Так не бывает. Оно не красное. Розовое. Будто красили.

– Да... Да, слушай... А вот где они забирают. Давай поближе заглянем.

Кир, не стесняясь людей, присев на корточки, прижался носом к стеклу, Илейн, наклонилась, повернувшись и оглядев сына, sprysнула от смеха, но поправившись, оттянула его от прилавка и разлохматила волосы на голове.

– Мам, там «сносочка» с ценами...

– Сносочка?

– Звёздочка... И текст. Сейчас, засниму на телефон, он переведёт...

Илейн, пока он проделывал свои манипуляции с гаджетом, подошла к терминалу, выбрала килограммовый кусочек мякоти и оплатила карточкой. Механизм, издав пиликанье, полил спреем щуп, вновь засиявший ртутными переливами, и мигом проехался по струбцине вбок и вернулся с добычей, зависнув, пока на сенсорном дисплее высветился ярлык: «Madame, wollen Sie das Fleisch für Sie in Stücke schneiden?».

– Так, Кирюша, что он хочет?

– Мамуль, а это искусственное мясо...

– Как-так?

– Выращенное из клеток говядины на её костях, пере... восстановленное, что ль... Этот переводчик... Прямо вепрь из Вальхаллы! – встретив не понимание во взгляде, он поспешил разъяснить. – Ну, которым еженощно пировали, восставшие воины, а на утро шли вновь друг с другом сечься, а к ночи, кости срастались его, покрывались плотью и возвращался к жизни вепрь, и его вновь умерщвляли повара и готовили...

– Ужас какой-то!

– Ну, боженька наш Один, лучших воинов так ежедневно муштровал, готовя к дню Рагнарёк... Он, как бы понимал, что «Гибель Богов», так гибель, но всё же надо было её встретить достойно и, возможно, отвести...

– А, мясо, я уже оплатила... Тут есть-то хоть настоящее?

– Видимо, тут оплот современности, поэтому своих же приучили поглощать генетически-модифицированный продукт... Или мы в... Вальхалле! – Кир поднял руки над головой.

– Не смешно, ладно, что он хочет... Нажму нихт.

Кусочек запаковал ожидавший щуп и вывалился ровный брекетик. Илейн, взяла, чувствуя его податливую мягкость, и с каким-то отвращением, бросила в корзинку.

– Давай, поищем, фруктов, хлеба и молока... Минералки...

С молоком их поджидал тот же не приятный сюрприз – срок годности самого «натурального» составлял пару лет, а других доходил и до пяти годов. Зато выбор был роскошный – и миндальное, и клубничное, жирнящее кокосовое, эко и не эко, симуляция козьего, как показал переводчик, а косметических ни счесть: и с гиалуроновой кислотой, и экстрактом протеинов и витаминов группы Б из шелкопрядных гусениц, почечным экстрактом из абортированных эмбрионов. Они даже были на упаковке изображены маленькими и розовенькими на голографических переливавшихся стикерах. Контроль качества запредельный. Когда мобильный гаджет выдал перевод, то Илейн с сыном отшатнулись от прилавка. Затем, Кир, долго обнюхивал упаковки хлеба, смирившись, и взяв тот в котором больше было отрубей, и меньше выражен кисловато-гнилой душок уксуса. К овощам они и не притронулись, взяли только пару исхудавших лимонов в индивидуальных пластиковых упаковках, перекрывавших фрукту сообщение с кислородом. В составе многих соков они находили аббревиатуру всё тех же почечных экстрактов из абортированных детей. Даров моря и вовсе не наблюдалось. Уже, как год из-за вымирания, приведшего загрязнением океанов и мутирующего грибка изжиравшего всё живое на пару с планктон, переставшим выполнять прямую функцию в обеспечение планеты кислородом, вымершего из-за микро-пластика и мутировавшего – многие импортеры морских обитателей или обанкротились либо переквалифицировались. Корзинку наполнили в большей мере – пресной и минеральной водой. Проходя кассы самообслуживания, замедлявшими проход, Кир, открыл бутылку минеральной воды, зажмурился, жадно принявшись пить, и от неестественно горького вкуса и походивших на наждачную бумагу пузырей в воде, с химическим запахом, отнял бутылку от губ, продолжавшую бить на пол пеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.